



## Пролог

**З**апах дыма преследовал их два дня.

Сначала они думали, что он доносится от другого походного костра, и были очень удивлены, поскольку не слышали двигателей самолета и за несколько дней путешествия по цепочке длинных озер не видели ни следов присутствия людей, ни даже движения каноэ где-нибудь вдалеке. Следы в грязи на переправах принадлежали только животным: волкам, лосям, выдрам и медведям.

Ветер был северо-западный, они двигались на север, так что, если это была другая группа, то она шла впереди них. Они были в замешательстве, поскольку чувствовали запах дыма не только ранним утром и ночью: в неурочные часы они тоже ловили себя на том, что задирают носы, как койоты, раздувая ноздри.

И вот однажды вечером они пристали к лесистому острову, разбили лагерь и жарили озерную форель на костре из плавника, наблюдая, как солнце опускается за ели на дальнем берегу. Поздний август, ясные ночи становились холоднее. Не было никакого северного сияния, лишь густые искры от звезд, раздуваемые из

их собственного древнего пламени. Они взобрались на холм. Им не нужны были налобные фонари, поскольку они привыкли передвигаться в темноте. Порой они продолжали грести и ночью, если чувствовали в себе для этого достаточно сил. Им нравилось то, как темнота усиливает звуки — плеск опускаемых весел, стук деревянного древка о борт. Долгий, унылый плач гагар. Последний — в особенности. Они так опустошали ночь своей тоской.

Этой ночью не было слышно ни гагар, ни ветра. Они поднялись сквозь лиственницы, несколько высоких берез со светящейся бледной корой и болиголов. На вершине холма они следовали к выступу разбитой скалы по охотничьей тропе, словно были здесь не первыми, кто искал лучшего обзора. И они увидели это. Они смотрели на северо-запад. Сначала решили, что это солнце, но было слишком поздно для затянувшегося заката, а городов в том направлении не встречалось на тысячу миль вперед. Вдалеке, над деревьями, виднелось оранжевое зарево. Оно лежало вдоль горизонта как отсвет тлеющих углей, едва заметно трепетало, заставляя их сначала задуматься, не в их ли глазах дело, а затем осознать, что это пожар.

Лесной пожар, неизвестно, как далеко и насколько масштабный, но больше, чем они могли себе вообразить. Казалось, он распространился на сколько хватало взгляда. Они не произнесли ни слова, но его тишина и складывающееся впечатление, что он словно бы дышит, напугали их до глубины души. Окрепший ветер толкал бы пламя прямо на них. При том темпе, с которым они двигались, от деревни кри, носившей

название Вапак, и Гудзонова залива их отделяло по меньшей мере две недели пути. Там, где в самое северное озеро впадала река, они могли ускориться, но сократить расстояние было невозможно.

\* \* \*

На следующее утро после обнаружения пожара они действительно заметили другой лагерь. Располагался он на северо-восточной окраине лесистого острова. Направившись туда, они немало удивились, когда нашли нетронутый высокий шалаш. Уходить никто не собирался. На гравии стояло старое, выкрашенное в белый цвет деревянное каноэ с квадратной кормой и закрепленным на транце мотором, а также пара складных шезлонгов, в которых, вытянув ноги, лежали двое мужчин. Джек и Винн пристали к берегу и окликнули их, мужчины в ответ вскинули руки. На камнях между стульями стояла пластиковая бутылка бурбона «Олд Эйдж». Полный был одет во фланелевую рубашку и носил квадратные тонированные очки в стальной оправе, на голове худого была техасская кепка. Два спиннинга и винтовка с затвором модели «Винчестер-70» стояли прислоненными к сосне.

— Видел ли кто-нибудь из вас пожар? — спросил Джек.

— Видел ли кто из вас хоть однажды киску? — ответил тощий. Мужчины разразились смехом. Они были пьяны. Джек почувствовал отвращение, но пьянство летним утром не каралось смертным приговором.

— Там пожар, — сказал Джек, — Охренительно большой пожар на северо-западе. Его запах чувствуется в последние несколько дней.

— У вас, ребята, есть спутниковый телефон? — спросил Винн.

Это привело их в восторг по новой. Когда они закончили смеяться, полный сказал:

— Вам двоим нужно расслабиться. Подтащите себе по креслу.

Запасных кресел не было. Он зажал горлышко бутылки двумя пальцами и качнул ей в сторону Джека. Джек остановил его. Мужчина пожал плечами и вскинул мизинец, наблюдая за его продвижением так внимательно, будто управлял краном. Совершенно пьян. Озеро было узким и, если бы огонь охватил западный берег, этот остров не обеспечил бы людям безопасности.

— Как у вас дела с переправами? — спросил Джек, имея в виду переходы между озерами. Там было пять озер, протянувшихся с юга на север. Некоторые были соединены протоками судоходной реки, другие — грязными тропами, которые требовали полной разгрузки и перетаскивания каноэ. В последнем озере брала свое начало река. Большая река, которая извивалась в основном на север на протяжении ста пятидесяти миль до деревни кри и залива. Джек не был впечатлен уровнем физической подготовки мужчин.

— У нас есть эта штука с колесами, — сказал тощий мужчина. Он широким жестом обвел лагерь.

— Мы обо всем позаботились, — добавил полный.

— Кроме кисок, — и оба слегли в очередном приступе смеха.

— Огонь с подветренной стороны, — указал Джек, — там. По нашим прикидкам, примерно в тридцати милях отсюда. Это смертельно опасно.

Толстяку удалось на них сфокусироваться. Его лицо стало серьезным.

— Мы все предусмотрели, — повторил он, — а вы? Здесь всего вдоволь. Почему бы вам не выпить? — он указал на Винна. — Ты, здоровяк — как тебя зовут?

— Винн.

— Он злюка, да? — толстяк склонил голову набок, глядя на Джека. — Буянит, когда выпьет? Вин-новат, перебрал с вин-ном. Ха!

Винн не нашелся с ответом. Джек посмотрел на них. Сказал: «Ну, вам бы стоило как-нибудь вечером подняться повыше и взглянуть на это». Он указал на противоположный берег озера. Ему не верилось, что кто-то из них в состоянии забраться на холм или дерево. Он помахал рукой, без особой убежденности пожелал им удачи, они с Винном сели в свое каноэ и уплыли.

\* \* \*

На третий день после обнаружения пожара они плыли вдоль восточного берега озера, называвшегося Черника. Так было подписано на карте; странное название. Как ни крути, оно не звучало правильно. Озеро Черника. Гребли близко к берегу, поскольку ветер дул

с запада и сильно раскачивал каноэ. Утро выдалось странным: спозаранку усилившийся холод не спадал, затем поднялся ветер, черные волны обрушивались на них одна за одной. Белые шапки их верхушек хлестали в лица, вода переливалась через левый борт, в конце концов они решили держаться каменистого берега и накрыть каноэ крышкой от брызг. Но туман был и там. Ветер разорвал его, однако не унес прочь. Подобного ни один из них раньше не видел.

Продолжая грести вплотную к берегу, они услышали крики. Сначала им показалось, что это птицы или волки. Не смогли разобрать, кто именно. Как и в случае с пожаром, причина выяснилась не сразу. Меньше всего они ожидали услышать человеческие голоса, однако именно это и случилось. Крик мужчины и протестующий голос женщины, высокий и сердитый. Ветер доносил до них вопли. Винн оглянулся вполоборота и указал веслом в том направлении, откуда звучали голоса. Всего на секунду, иначе они перевернулись бы, потеряв скорость. Его жест означал вопрос: стоит ли останавливаться?

Час назад они едва не перевернулись, устанавливая крышку. Сидящий спереди Винн был тяжелее, что помогало защититься от порывов ветра, но поднявшаяся волна швырнула их о берег, к счастью, усыпанный гладкими камнями. Они разбили бы лодку, окажись пляж покрыт известняковым сланцем. Это был опасный маневр.

Слов они не могли разобрать, но в голосе женщины звучала ярость, а тон мужчины не был угрожающим, просто возмущенным. Джек отрицательно по-

качал головой. Если пара может рассчитывать на уединение в своем доме, то почему бы им не иметь на него права черт знает где? Не удавалось разглядеть ни фигур споривших, ни даже берега, но время от времени возникали намеки на деревья, просто тени в ревушем тумане, стена из теней, которые, как они знали, были опушкой леса; плавание продолжалось.



## ГЛАВА ПЕРВАЯ

Они оба любили сплавляться в шторм. Накидная крышка, герметизирующая каноэ, позволяла чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока его не заносило вбок. Они отплыли подальше от теней и звуков с берега. Компас был не нужен, пока удары волн приходились на левый борт. Они справлялись с натиском воды, но опрокидывание вдали от суши грозило им смертью. Требовалось соблюдать осторожность, чтобы пересекать белые гребни бурунов под углом. Оба гребли, стоя на коленях, чтобы центр тяжести располагался ниже. Это утомляло. Затем ветер внезапно стих, будто его выключили, меньше чем за полчаса озеро сделалось гладким, как стекло. Создавалось ощущение, будто они подвешены в тумане. Они двигались как бы внутри плавучего нимба: в любом направлении рассмотреть можно было лишь несколько ярдов черной воды. Бледный туман стелился клоуьями, точно упрямый дым. Вода шелестела вдоль корпуса, своим серебристым блеском напоминая Винну вискозу. Это было похоже на сон. Ему вспом-

нился прочитанный однажды роман Эдгара По, в котором потерпевших кораблекрушение притягивает к Южному полюсу, и по мере приближения к нему несущее их течение становится все теплее и спокойнее.

Винн перестал грести. Будучи сегодня баковым\*, он задавал темп, поэтому Джек тоже опустил весла — и каноэ свободно заскользило по озеру. Лодка была из гладкого кевлара, девятнадцати футов в длину, с V-образным носом и прямой кормой. Что-то умиротворяющее было в прекращении гребли посреди спокойной воды. Все равно что наблюдать за стаей уток, синхронно плывущих над грядой деревьев, расправив крылья.

— Это было странно, — сказал Джек.

— Охрененно согласен. Что именно?

— Хоть галочками помечай, — ответил Джек.

Он положил весло на крышку и достал из нагрудного кармана рубашки жестянку с табаком. Брызги вымочили его до нитки, однако Джек никогда не надевал дождевик, если греб, поскольку, по его словам, от пота промокал не меньше даже в дышащем материале. Он также принципиально не пользовался спреем от насекомых. Он прикусил губу.

— Давай посмотрим: туман и ветер одновременно, во-первых. Ах да, и мороз. Внезапное затишье. Крики. И теперь это. Немного странно.

Винн промолчал. Они все еще скользили, почти полная тишина создавала ощущение какого-то таин-

---

\* Баковой гребец отвечает за темп.

ства. Он опустил палец в темную воду, все такую же холодную, около четырех градусов, и за ним потянулся небольшой след. Это был единственный признак продвижения вперед.

— Я думал о том романе По, — сказал он наконец, — «Артур Гордон Пим».\*

— Да ну? — Джек сплюнул за борт. — Интересно, кто были те двое. Звучали как парочка.

— Может, мы увидим их снова.

— Надеюсь, что нет. Все утро размышлял, не стоило ли все-таки остановиться.

— Рассказать им о пожаре?

— Ага.

— Это было бы рискованно, — заметил Винн.

Он собирался маневрировать — на случай, если бы пляж оказался устлан обломками известняка. Пляжем они называли любую открытую береговую линию, полого спускающуюся к воде.

— Я подумал, может, стоило притормозить и окликнуть их, — продолжал Джек.

Они дрейфовали.

— Не хочешь перекусить? — спросил Винн.

— Можно. Расклад для этого вроде бы благоприятный.

Крышку сняли с креплений, Джек, порывшись в рюкзаке, вытащил брусок острого чеддера, копченую колбасу и пластиковый пакет с поломанными креке-

---

\* «The Narrative of Arthur Gordon Pym of Nantucket», в русском переводе — «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима».

рами. Он опустился на плетеное сидение. В рюкзаке также нашлась маленькая разделочная доска, Джек положил ее на колени и, вооружившись складным ножом, нарезал сыр и колбасу.

\* \* \*

Они были лучшими друзьями из Дартмута, решившими взять отпуск на лето и осень. Оба работали инструкторами по выживанию в дикой природе в рамках программы на Адирондаке. Весь июнь и июль, и половину своих сбережений они хотели потратить на путешествие вверх и вниз по реке на старом гидросамолете «Выдра». Ни один из них не был особенно привязан к своему дому. Весной Джек расстался со своей школьной возлюбленной. Жила она в долине Фрейзер в Колорадо, неподалеку от Грэнби\*, где у семьи Джека было небольшое ранчо.

У Винна не было девушки со времен школы Патни в Вермонте. Это была своего рода модная школа-интернат, но он с семьей жил в трех милях оттуда и учился в дневную смену. Он встречался с дочкой кинозвезды, которая находила его экзотичным и немного простоватым, и он рассказывал Джеку, будто понял, что ничего не получится, когда на весенние каникулы поехал к ней в Малибу; все отправились на поздний будничны́й завтрак, мать и дочь заказали

---

\* Крупнейший город в округе Гранд, штат Колорадо.

яйца по-флорентийски, он спросил, что это такое, и они обе повернули к нему головы.

— Винн, это как Бенедикт, но со шпинатом вместо канадского бекона, — сказала мать.

Она поправила очки.

— Бенедикт? — уточнила она, — Знакомо? Нет?

И они обе расхохотались, а Кери протянула руку, чтобы похлопать его по плечу. Он знал, что такое яйца Бенедикт. После он рассказывал, что похлопывание обожгло его, точно клеймом, и в тот же день он поменял билеты и улетел домой. Как бы то ни было, шел сезон заготовки сахара, одно из его любимых времен года, и он помогал отцу вываривать его в маленькой сахарной лавке на Сойер-Брук.

Иногда они варили всю ночь напролет. Поднимающееся солнце окрашивало пятнистый снег в розовый цвет, предрассветный ветер шелестел сухими листьями дубов и голыми ветвями кленов. Он слышал журчание талого ручья, песни поползня. Огонь потрескивал под длинным чаном с прозрачным сиропом, отец с сыном практически не разговаривали, но он знал достаточно о таких вещах — в основном из большого количества прочитанной художественной литературы — чтобы понять, что это, возможно, были лучшие часы, которые они когда-либо проводили вместе.

Пытаясь справиться со своей душевной болью, он попутно осознал, что, вероятно, был таким же безжалостно мелочным авантюристом, как и она: ей хотелось побаловать себя мальчиком из местных, который носил фланелевые рубашки, умел ловить рыбу, рубить дрова, чувствовал себя как дома, засыпая под от-